

1920-е годы. Два юбилея: 125-летие со дня рождения А. С. Пушкина и 100-летие восстания декабристов. Экс-футурист Василий Каменский пишет актуальную пьесу и роман о Пушкине. В отличие от соратников-гилейцев, он не сбрасывал Пушкина с парохода современности. Подписи виднейшего футуриста Каменского не было под главными футуристическими манифестами.

Пьеса «Пушкин и Дантес» была поставлена в Ленинградском академическом театре драмы им. А. С. Пушкина, а также в театрах Пензы и Тифлиса. Не знаю, как принимала спектакль ленинградская публика, но рецензия в «Ленинградской правде» была резкой даже для того времени.¹

Для пушкиниста-любителя — смелый поступок. В этот исторический период становятся доступными массовому читателю ранее не изданные произведения Пушкина, печатается огромное количество разнообразной литературы о Пушкине, выходят в свет работы, которые стали классикой пушкиноведения и литературоведения в целом. Подготовкой научных изданий, исследованиями биографии и творчества занимаются специалисты высшей квалификации от Гершензона и Щеголева до опоязовцев — Тынянова, Эйхенбаума, Гуковского.

Всенародно отмечалось столетие восстания декабристов. Тынянов своим романом «Кюхля» выводит русскую историческую беллетристику на принципиально новый уровень.

Начну с официальной оценки романа. Из статьи Е. Мустанговой в Литературной энциклопедии: «некоторые (романы Каменского — *Е. Л.*) граничат с бульварной лит-рой (напр. «Пушкин и Дантес» — роман, в котором историческая тема опошлена)». ² В чем именно бульварность и опошление исторической темы, критикесса не объясняет.

Надо сказать, критики произведение Каменского не приняли всерьез. Было несколько отрицательных рецензий. Из соратников по ЛЕФу против романа высказался публично только Н. Чужак. ³ Приведу названия некоторых рецензий: «Очередная халтура» А. Ансон ⁴, «Пушкин и Дантес. Сочинение бывшего ученика приготовительного класса Васи Каменского» Б. Анибал ⁵, которые полностью раскрывают их смысл. Евгения Книпович в «Красной нови» положительно оценила оформление и полиграфическое исполнение книги (весьма недешевой — 2 р. 80 коп.), но, что касается текста, была солидарна с остальными рецензентами «...почему он так напоминает те «великосветские романы», которые на радость лавочникам печатались лет 15 назад в «Петербургском листке»? <...> Он (Каменский — *Е. Л.*) нашел, что судьба Пушкина — самая подходящая тема для бульварного романа». ⁶ Досталось и фантазии автора, и красотам языка.

Пользовался роман успехом у читателей? Сейчас трудно определить. В 1928 году вышло два издания небольшими тиражами: в тифлисской «Закниге» и в эфемерном берлинском издательстве «Полиглот» (с купюрами). Почему не в Москве или в Ленинграде? Полагаю, столичные издательства не решились рискнуть своей репутацией. Обе книги вскоре стали великой библиографической редкостью. Только спустя шестьдесят лет переизданный в 1991 году четырехсоттысячным тиражом в издательстве «Правда» (в последний исторический момент, когда страна покупала книг больше, чем читала) роман стал доступен массовому читателю. Но в 1991 году страна читала не Каменского, а Солженицына.

А. Г. Никитин, автор вступительной статьи к однотомнику прозы В. Каменского, горячо симпатизирующий писателю, вынужден признать: «Эмоции и краски его письма намного богаче, чем знание им пушкинской эпохи со всеми вытекающими отсюда последствиями» ⁷, он же отмечает, если все неточности текста оговаривать в комментариях, то он «разросся бы до невероятных размеров». ⁸ Но только ли в знаниях дело? В конце концов, можно было дать роман опытному рецензенту-редактору для исправления фактических ошибок. Массовому читателю не так уж важны биографические, топонимические, бытовые и прочие неточности. Знания мы черпаем не в романах, а в научных исследованиях, в энциклопедиях.

Что касается пренебрежения так называемыми общеизвестными фактами и сложившимися репутациями, то не считаю это серьезным грехом. В процессе собственной работы я неоднократно убеждался в том, что общеизвестные факты не выдерживают серьезной проверки и являются не чем иным, как многократно повторенной выдумкой (или целенаправленной дезинформацией, для распространения которой привлекаются большие средства и мощности). Установить неистинность события и предвзятость трактовок сравнительно не сложно. Крайне трудно бывает определить конкретный первоисточник «легенды».

Футуристы долефовского периода не стремились подводить под свое искусство серьезный идеологический базис. Вся их теория сводилась к нескольким страницам манифестов весьма хаотической структуры и путаного содержания. Думаю, никто не рассчитывал обнаружить в произведении Каменского глубины исторического мышления или тонкость психологических портретов. Но что касается практики... Это их законная гордость. «Нам некогда было заниматься теорией поэзии, мы давали ее практику», ⁹ — писал В. Маяковский Л. Троцкому в 1922 году. Каменский, как отмечено выше, непричастен к ранним манифестам. Но что касается места в искусстве — его футуристы ни с кем делить и никому уступать не собирались. «Мы знаем: мы, левые мастера, мы — лучшие работники искусства современности». ¹⁰

У романиста есть серьезное преимущество перед исследователем-историком или филологом — он вправе дать волю своему творческому воображению, увидеть и воссоздать исторически верный образ эпохи, жизненные портреты людей, убедительные мотивы их поступков. Стремиться не к правдоподобию, а к правде, не используя бесчисленные «видимо», «вероятно», «скорее всего», «сведения скудны и противоречивы» и пр.

Напоминаю: только что вышел «Кюхля», в «Новом мире» началось печатание вересаевского «Пушкина в жизни». Какой роман делает Каменский? Исторический? Социальный? Биографический? Немаловажно: с какой целью? Добиться (финансового) успеха у массового читателя? Создать «Пушкина», полезного родной советской власти?

Существует немало историко-социологических исследований, посвященных «государственному поэту», в которых прослеживалось, как менялся официальный портрет Пушкина в различные периоды дореволюционной и, особенно, советской истории. В 1920-х годах упор делался на революционность, интернационализм, стремление к свободе, ненависть к самодержавию и «тюрьме народов». В конце 1930-х он становится поэтом-народолюбом, поэтом-патриотом, противником онемеченного двора. В 1960–1970-х у литераторов «патриотического» направления Пушкин становится другом царя и православия, жертвой внешних врагов России. В эмигрантской литературе третьей волны западничество Пушкина переходит в русофобию и т. д.

Основным приемом В. Каменского является гиперболизм. Вполне уместный в стихах и прозе о Стеньке Разине, в романе о Пушкине он производит (и производил в 1920-х) комическое впечатление.

Прежде всего — связь с современностью. До 1937 года, когда Пушкин станет первым советским писателем, еще десять лет. У Каменского было время и возможности для коренной переработки романа. Однако роман о Пушкине не был переиздан ни в 1937, ни в последующие юбилеи.

Василий Каменский — многоопытный писатель. Четверть века в поэзии, пятнадцать лет делает прозу. Казалось бы, крепкому профессионалу вполне по силам сделать проходной добротный биографический роман на выигрышную тему — о Пушкине и Дантесе. Приступая к чтению, я надеялся прочесть исторический роман-фантазию, написанный сочным футуристическим языком.

Небольшой роман «Пушкин и Дантес» охватывает более трети жизни Пушкина, с 1824 по 1837 годы. При этом заглавный антигерой романа появляется только в последней трети произведения, фактически экспозиция занимает две трети романа. Тем не менее, несмотря на привлекательное название и неизменный общий интерес к обстоятельствам личной

жизни поэта, довольно сложно говорить об успехе книги у массового читателя. Проще всего увязать это с политическими обстоятельствами. Скажем, беллетристическая диалогия И. Новикова «Пушкин в изгнании» переиздавалась практически ежегодно в течение полувека. А исследование П. Щеголева «Дуэль и смерть Пушкина» не переиздавалось в течение 51 года (1936–1987), компиляция В. Вересаева «Пушкин в жизни» — в течение 48 лет (1936–1984). Естественно, причина этого объясняется не отсутствием читательского спроса или конфликтом из-за авторских прав, а чисто политическими обстоятельствами.

Вульгарный социологизм в конце 1920-х начинал выходить из употребления. Создатель популярного историко-биографического текста должен либо знать предмет существенно лучше читателей, либо глубже их понимать его. Интеллигентные читатели расценили роман как бульварный, а для просвещения (пропаганды) читателя пролетарского он опять-таки не годился — и не только из-за вольного обращения с фактическим материалом.

Каменский попытался изготовить «идейно выдержанный» роман. Его Пушкин — революционный поэт. Но чересчур революционный, больше, чем требовалось. Гиперболизм переходит в фарс. Революционные настроения в пушкинском обществе явно преувеличены. Единственное, что роднит текст Каменского с футуристическими произведениями, — это прием антитезы, «нет на земле никаких средин». Все персонажи романа четко разграничены на положительных — сочувствующих революции, и отрицательных. Герой романа Каменского выигрывает время, но проигрывает пространство. Такой Пушкин годился для страниц глубоко провинциальных альманахов 1930–1940-х годов. В берлинском издании, рассчитанном на более образованную публику, наиболее «революционные» эпизоды сняты.

Пушкин известен разносторонностью и многообразием интересов. У Каменского он человек одной идеи — революционной. Непосредственный предшественник Горького и Ленина. Центральная фигура революционного движения России, по непонятным причинам не возглавившая движение декабристов. Возможно, именно отказ декабристов от практического использования пушкинского гения и авторитета привел к поражению восстания.

Большевики не скрывали дружбы с Горьким, пользовались (а порой злоупотребляли) его средствами для революционной работы. Долги Пушкина всегда превышали его немалые заработки.

Для чего Каменскому понадобилось гиперболизировать революционность Пушкина? В конце 1920-х устоявшаяся власть отвергает вульгарно-социологические попытки стратифицировать литературу по признаку революционности. Все русские классики, за исключением Достоевского, признаются прогрессивными.

Не знаю, читал ли это произведение Маяковский, но если читал, то не стал бы сдерживаться в оценках. Маяковский не переносил легкомысленного отношения к Пушкину. Напечатал в «Новом Сатириконе» издевательское стихотворение «В. Я. Брюсову на память», когда тот «завершил» «Египетские ночи». На диспуте «Леф или блеф» разгромил «высокоученого Войтоловского» за упоминание им среди героев пушкинского «Евгения Онегина»... Гренина. Однако Войтоловский еще допускал минимум ошибок по сравнению с другими авторами, которым Маяковский дал определение «дураки от марксизма». Еще тяжелее громил Маяковский кинокартину Гардина «Поэт и царь». «Я спрашивал у людей, которые пишут стихи, — как они это делают... По-разному... Но во всяком случае — дурацкие взъерошенные волосы, отводя левую ножку в сторону, сесть к столику и сразу написать блестящее стихотворение:

*Я памятник воздвиг себе нерукотворный
К нему не зарастет народная тропа... —*

это есть потрафление самому пошлomu представлению о поэте, которое может быть у самых пошлых людей». ¹¹

Но главный недостаток романа не в исторических неточностях. Прекрасному знанию материала соответствует красота литературного изложения. Каменский отказывается от короткой лефовской фразы, которой он мастерски владел, и начинает писать «как люди» — «периодами». Несколько позже РАПП выдвинул лозунг «Учиться у классиков!». У каких романистов учится сорокачетырехлетний Каменский?

В 1920-х годах были попытки создавать произведения «бригадным методом». Наиболее известным текстом стал публикуемый в «Огоньке» роман «Большие пожары». Но там авторы писали по одной главе. Когда я читал роман «Пушкин и Дантес», складывалось впечатление, что это работа дружной литбригады в составе Зощенко, Архангельского, Ардова, Хармса, Вербицкой, ударника, призванного в литературу, и дореволюционного фельетониста-пензенщика.

Патриотизм и связь с народом иллюстрируются на уровне учебника для начальной школы. Вот Пушкин-патриот: «Наши писатели, матушка, и я в том числе, лучше по-французски пишут, чем по-русски. Вот оно — воспитание проклятое!» (С. 157). Пушкин Каменского — убежденный революционер, под его влиянием няня Арина Родионовна становится не просто революционеркой, но и сторонницей цареубийства, что делает ее прямой предшественницей не только Ниловны, но и Федератовны. «Сам ведь ты мне сказывал, что в Кишиневе, в Одессе лучшие люди ухлопать царя собираются. И ухлопают». Пушкин солидарен: «Должны ухлопать царя! Должны! Весь русский народ этого счастья ждет. И если ухлопают, — всем, и тебе, и мне будет свобода. То-то я тогда крылья расправлю, — держи меня!» (С. 158)

Пушкина встречают в Москве как Горького в 1928 году. Одной Арины Родионовны для показа связи с народом маловато, и автор вводит в круг друзей Пушкина представителей «демократических» слоев населения — чиновника Евграфа Ивановича Брызгалкина и мастерового Луку Андреевича Чижова. В словаре Черейского «Пушкин и его окружение» таковые отсутствуют.

А вот отрицательные персонажи: «Лисье, ползучее лицо генерала следило за маршрутированием начинающего монарха». «Какая же мне охота возиться с литературой, — отбояривался великий ростом монарх, — какого-то выскочки из людей. Не терплю я литературы, а особенно разных выскочек. Что им надо, разным Пушкиным? Не понимаю». (С. 193) — в общую работу включился Зощенко. Теперь пародия Ардова: «Генерал, передайте мое мерси командиру полка». (С. 194)

В конце концов, за прямую речь персонажей автор ответственности не несет. Но и авторская речь отличается разноголосицей — снова Зощенко: «...мирно разговаривают о хороших, лучших и даже замечательных людях, чья общественная деятельность является обычной темой случайной беседы». (С. 207)

На помощь Каменскому приходит безымянный дореволюционный автор газетных романов, начитавшийся Бальмонта: «Здесь, по случаю свидания с приятельницей, на поэта свежей волной Черного моря нахлынули одесские воспоминания, над разливом которых, как белоснежные чайки, нежно пролетели, резвясь в бирюзовой глубине южной любви, трепетные имена Лизы Воронцовой и Амалии Ризнич». (С. 202)

Анастасия Вербицкая тоже отметилась: «У поэта закружилась голова: рубиновыми молниями под небом черепа засверкали огненные мысли». «Пушкин весь горел огнем встречи и жадно, ненасытно, как умирающий от жажды, глотал каждое мгновение ее головокружительного взгляда» (С. 231).

При чтении романа я испытывал сильные эмоции от таких изобразительных средств из арсенала ударника от станка и сохи. «Самодурное самодержавие густо сплело железную паутину убийственного рабства, задавив народ тяжким гнетом насилия» (С. 148). «В дикой глуши времени, занесенный снегом бесправия, он всё же нашел в себе мощные силы, чтобы под вой отечественной метели остаться великим мастером у рабочего стола» (С. 150). «Бен-

кандорф и фон Фок, как два гигантских паука, распластались в паутинах длинных столов и ненасытно вписали в себя несчастных жертв, отмеченных в секретных донесениях усердными шпионами, тайно раскинутыми по всей России». (С. 209 и далее по всему тексту).

В этом перечне авторов отсутствует... Каменский. За исключением небольших пейзажных отрывков... Чем объяснить происшедшее с Каменским? Куда пропал не только талант, но элементарный профессионализм и вкус? Если бы роман вышел без имени автора, я никогда бы не погрешил на Каменского. Настолько этот гибрид не похож на его остальную прозу. Каменский, как уже говорилось, маститый прозаик. Работал в разных жанрах: псевдоисторическом романе «Степан Разин», бытовых повестях и рассказах, в автобиографической и мемуарной прозе. И нигде не испытал подобных провалов. Говорить о кратковременном глубоком творческом спаде едва ли правильно. Одновременно с романом о Пушкине Каменский делает новую редакцию добротной повести «Землянка».

Жанр — революционный бульварный роман-пародия. Он нашел последователей в наше время. Отсутствие редактуры и сниженные читательские требования привели к тому, что широкой популярностью пользуются книги наших современников, продолжателей традиции «Пушкина и Дантеса» — Эдуарда Володарского, Варлена Стронгина, полагаю, что и многих других, которых не читал.

Может быть, причина неудачи в вульгарно понятом «социальном заказе»? Материалистическими причинами я этого объяснить не могу. В добрые старые времена причину подобных неудач определяли «чёрт попутал».

¹ Дрейден С. Плевок на Пушкина. // Ленинградская правда. 1926. 11 мая.

² Мустангова Е. Каменский В. // Литературная энциклопедия. М. 1931. Т. 5.

³ Чужак Н. На вольном рынке. Не углубляйте историю. // Читатель и писатель. 1928. 28 июня.

⁴ Сибирские огни. 1928. № 5.

⁵ Красная нива. 1929. № 24.

⁶ Книпович Евг. Рец. на В. Каменский. Пушкин и Дантес. Заккнига. Тифлис. // Красная новь. 1928. Кн. 6. с. 249–250.

⁷ Никитин А. Г. Ветры предвестий. // Каменский В. Степан Разин. Пушкин и Дантес. М., 1991. С. 15.

⁸ Никитин А. Г. Комментарии. // Там же. С. 635.

⁹ Маяковский В. ПСС. Т. 13. С. 56.

¹⁰ Маяковский В. ПСС. Т. 12. С. 48.

¹¹ Маяковский В. ПСС. Т. 12. С. 354–355.